

Аделаида Николаевна Паевская
Вальтер Скотт. Его жизнь и
литературная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175436

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. 1771-1792	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

А. Паевская

Вальтер Скотт. Его жизнь и литературная деятельность

*Биографический очерк А. Паевской
С портретом Вальтера Скотта, гравированным в Лейпциге
Геданом*

Глава I. 1771-1792

Предки В. Скотта. – Семья его. – Раннее детство. – Жизнь в Санди-Ноз. – Возвращение в родительский дом. – Школа. – Университет. – Будущий романист получает звание адвоката.

Семья Вальтера Скотта принадлежала к большому и воинственному шотландскому клану. Отец его, эдинбургский стряпчий, первый во всем своем роде поселился в городе и избрал оседлую профессию.

Вальтер Скотт, отец Скотта. Портрет, приписываемый Роберту Харви, ок. 1754.

Предки писателя, Скотты из Гардена, упоминаются в истории Шотландии с XI века. Они были в родстве с древним родом герцогов Буклью и жили в Гарденском замке на шотландском порубежье, то есть в пограничной зоне между Южной Шотландией и Северной Англией. Замок стоял в узкой и глубокой долине, орошаемой горным потоком, впадающим в Тевиот. Массивные развалины его еще существуют и возвышаются на крутом берегу, окруженные старинными вязами. Отсюда мужественные и беспокойные порубежники производили свои набеги на соседей, отбивали у них скот и грабили их имущество. Самым знаменитым из предков романиста был Вальтер Скотт, живший в царствование Марии Стюарт и известный под именем старого Ватта из Гардена. О нем и его красавице жене сохранились многочисленные предания, из которых мы можем составить себе понятие об образе

жизни порубежных воинов. Старый Ватт обыкновенно выезжал на добычу в сопровождении многочисленных слуг и товарищей. Награбленное добро прятали в глубине непроходимого ущелья по соседству со старою Гарденской башней, как назывался замок. Из ущелья скот постепенно приводили на убой в замок. Когда последняя корова была убита и съедена, жена старого Ватта подавала на стол пустое блюдо, на котором лежала только пара ярко вычищенных шпор – намек всадникам, чтобы они позаботились о будущей трапезе.

Сын старого Ватта, впоследствии сэр Вильям Скотт, осыпанный милостями шотландского короля Якова VI, был достойным имени своего отца. Во время одного из своих набегов на земли сэра Гидеона Муррея из Элибанка он был взят в плен. Предание гласит, что ему предложили на выбор: либо быть повешенным, либо жениться на «большеротой Мэг», самой безобразной из трех дочерей сэра Гидеона. Сэр Вильям был красивый молодец. Он выпросил трехдневную отсрочку для размышления и кончил тем, что предпочел жизнь, хотя бы и в обществе некрасивой жены. Мэг, оказавшаяся примерной женою, передала свой большой рот потомству, в том числе и Вальтеру Скотту.

Между предками романиста, кроме смелых удальцов-порубежников, были также ученые, например сэр Майкл Скотт, писавший в XIII веке и известный своими сочинениями по астрономии, алхимии и естественным наукам, за что прослыл между современниками колдуном. Другой предок писателя, также называвшийся Вальтером, напечатал в XVII веке в стихах «Историю знаменитого рода Скоттов». Внук старого Ватта из Гардена был дедом отца романиста; он также носил имя Вальтер и был известен в долине Тевииота под прозвищем Бородатый, потому что не стал брить бороды после изгнания Стюартов; он потерял все свое состояние, интригуя в их пользу, и сам даже брался за оружие, рискуя быть повешенным за государственную измену. От своего бородатого предка Вальтер Скотт наследовал известную слабость к Стюартам, которых, впрочем, вовсе не оправдывал.

У Бородатого было три сына; второй, Роберт, дед романиста, сначала поступил в морскую службу, но, испытав в первом же своем плавании кораблекрушение, почувствовал такое отвращение к морю, что безусловно отказался от вторичного плавания. Рассерженный отец не мог простить ему этого и отрекся от него. Предоставленный самому себе, Роберт перешел на сторону вигов и обратился за помощью к своему родственнику и феодальному вождю, мистеру Скотту из Гардена, который дал ему в аренду ферму Санди-Ноэ; среди ее утесов возвышаются развалины Смальгольмской башни, воспетой впоследствии Вальтером Скоттом. Роберт Скотт начал свое хозяйство, наняв пастуха по имени Гагга, который из уважения к роду Скоттов доверил новому своему хозяину все свое состояние, равнявшееся тридцати фунтам стерлингов. С этой суммою господин и слуга отправились на ярмарку покупать овец. Они долго выбирали их, но когда пастух наконец нашел таких овец, каких им было нужно, то увидел, что господин его гарцует на прекрасном коне, только что купленном на весь наличный капитал. Эта спекуляция, впрочем, была удачна: через несколько дней Роберт так ловко показал достоинства своего коня на охоте у Джона Скотта из Гардена, что продал свою покупку за двойную цену. После этого он больше не занимался никакими спекуляциями, но устроил свою ферму и первым завел торговые сношения между горной Шотландией и главными английскими графствами, и при этом нажил порядочное состояние. Роберт Скотт был среднего роста, деятелен, энергичен, горяч, проникателен, строго честен и так славился повсюду своим знанием сельского хозяйства, что все соседи обращались к нему за разрешением спорных вопросов. Благородное происхождение обеспечивало ему доступ в лучшее общество графства, а искусство в охоте и рыбной ловле делало его приятным товарищем и интересным застольным собеседником. Отец Вальтера Скотта был старшим из многочисленных детей Роберта. Это был формалист, глубоко убежденный в необходимости строгого воспитания, страстно любивший порядок и аккуратность; он не ценил даже хорошей книги без хорошего переплета и более всего выходил из себя при необходимости какого-нибудь

отступления от «благоустроенной гармонии домашнего обихода». Вальтер Скотт, говоря о своем отце, упоминает, что он был красив собою, причем отличался мягкостью, добротой, большою воздержностью и набожностью. Он с замечательным достоинством умел руководить всякими официальными церемониями и «безусловно любил похороны». Он даже держал у себя список многочисленных родственников, дальних и близких, для того, чтобы иметь возможность присутствовать на их похоронах, которыми его часто просили распоряжаться. «Я подозреваю, – прибавляет романист, – что ему не раз приходилось платить за них. Он при всякой возможности возил меня с собою на эти погребальные церемонии; но я, чувствуя, что не могу, подобно ему, приносить там пользу или служить украшением, старался насколько мог избавиться от этих поездок». В политике старик Скотт был сторонником свободы, но в то же время убежденным монархистом.

Мать Вальтера Скотта, урожденная Резерфорд, была небольшого роста и не отличалась красотой. Она получила лучшее воспитание, чем большинство современных ей шотландских женщин. Для усовершенствования в науках и манерах ее поручили некоей миссис Опсильви, которая так умела муштровать своих воспитанниц, что г-жа Скотт, будучи уже восьмидесятилетней старухой, не смела спокойно усестись в кресле и прислониться к его спинке, точно все еще находилась под наблюдением суровых очей своей воспитательницы. Г-жа Скотт была нежною и доброю матерью, отличалась веселым характером, наблюдательностью, юмором и любовью к старинным шотландским балладам, легендам и сказкам, которые прекрасно умела рассказывать.

Анна Резерфорд, мать Скотта, в старости. Портрет работы Дж. У. Гордона.

После ее смерти Вальтер Скотт писал о ней леди Луизе Стюарт:

«Ее ум отличался приобретенными сведениями и природною талантливостью; и так как она была очень стара и обладала прекрасною памятью, то умела своими рассказами очертить поразительную картину прошлых времен. Если я достиг чего-либо в описаниях старины, то во многом обязан ей». Накануне того дня, когда ее разбил паралич, она рассказывала «с величайшею точностью настоящую историю ламермурской невесты» и указывала на то, чем эта история разнится от романа того же названия, написанного ее сыном. Она помнила имена всех действующих лиц и объясняла их родство с существующими семействами.

Вальтер был горячо привязан к своей матери и часто упоминал о ее нежности и доброте к нему. Душеприказчики, открывая рабочий стол Вальтера Скотта после его похорон, нашли там разные старомодные вещицы, украшавшие туалет его матери, когда он ребенком спал в ее уборной: пакетики с волосами ее умерших детей, табакерку ее мужа и разные вещи в том же роде.

Вот что сам Скотт пишет о своей семье:

«У моих родителей было очень много детей, я думаю – не менее двенадцати; из них некоторые были весьма способны, хотя только пятеро пережили раннее детство. Мой старший брат Роберт был моряком в королевском флоте и принимал участие в большей части битв Роднея. Он отличался смелостью и гордостью, и в его обхождении со мною проглядывало капризное самовластие. Он имел большую склонность к литературе, читал стихотворения со вкусом и толком и сам писал стихи, которые весьма ценились его товарищами. Роберт очень приятно пел (талант, которого я никогда не проявлял), имел сведения по практической механике и, будучи в хорошем расположении духа, умел отлично рассказывать о своих похождениях и о пережитых им опасностях. В дурном расположении он заставлял нас практически знакомиться с дисциплиною военного корабля и беспощадно дрался.

Джон Скотт, мой второй брат, года на три старше меня, находился на военной службе.

У меня была только одна сестра Анна, которую судьба избрала как бы мишенью для своих ударов. Детство ее отличалось тем, что она с трудом спасалась от самых необыкновенных случайностей и опасностей. Я помню, как калитка в Сен-Джорджском сквере, хлопнувшись от ветра, едва не раздавила ей руку. В другой раз она едва не утонула в пруду, или яме с водою, в том же сквере. Но самым несчастным случаем, произошедшим с нею в то время, когда ей только что минуло шесть лет и, тем не менее, бывшим впоследствии причиною ее смерти, было то, что однажды загорелся ее чепчик. Она находилась одна в комнате, и раньше, чем могла подоспеть помощь, ей сильно опалило голову. После продолжительной и опасной болезни она выздоровела, но никогда уже больше не была вполне здорова.

В 1801 году бедная Анна умерла после скоротечной болезни. Ее нрав, как и характер братьев, отличался некоторыми особенностями; она, пожалуй, была даже страннее других – вследствие оказываемой ей снисходительности. Будучи в сущности любящей и доброй девушкой, не лишенной способностей и нежных чувств, она жила в идеальном мире, созданном ее воображением. Анна была на год моложе меня. За нею следовал брат Томас. Последний и самый несчастный из нашей семьи был мой младший брат, Даниэл. Отличаясь тем же отвращением к труду, или, лучше сказать, тою же упорною беспечностью, что и все мы, он не обладал ни быстротою ума, могущею заменить недостаток прилежания, ни гордостью, заставляющею предпочитать зависимости и пренебрежению самый ненавистный труд. Его жизнь была настолько печальна, насколько этого следовало ожидать при таком грустном сочетании условий; после нескольких попыток пристроиться он умер по возвращении из Вест-Индии в 1806 году.

Школьный проезд. На этой улице находился дом, в котором родился Вальтер Скотт. Рисунок цветным карандашом Джеймса Драммонда, 1856

Перейду теперь к моей собственной истории. Я родился, насколько знаю, 15 августа 1771 года. Я был необыкновенно здоровым ребенком, но едва не умер из-за того, что первая моя кормилица хворала чахоткою. Ее отослали и взяли другую, здоровую крестьянку, которая до сих пор жива и хвастает тем, что „ее мальчишечка“ стал „большим барином“. Пока мне не минуло полтора года, я выказывал все признаки здоровья и силы. Однажды вечером, как мне часто впоследствии рассказывали, я ни за что не хотел даваться в руки тем, кто должен был уложить меня в постель, и все бегали по комнате; наконец меня поймали и с трудом уложили спать. Это был последний раз, когда мне удалось показать проворство. Утром заметили, что у меня лихорадка, часто сопровождающая прорезывание коренных зубов. Она

продолжалась три дня. На четвертый, когда меня, по обыкновению, стали купать, то увидели, что я не владею правой ногою... Составили консилиум, в котором приняли участие мой дед, прекрасный анатом и врач, затем уважаемый покойный Александр Вуд и многие другие медики. Оказалось, что нет ни вывиха, ни какого бы то ни было повреждения; но напрасно употребляли мушки и иные наружные средства. Когда все усилия патентованных врачей безуспешно истощились, мои родители в своем беспокойстве стали хвататься за всякую надежду излечения, предлагаемую знахарями или старушками и старичками, считавшими себя вправе рекомендовать различные средства, из которых иные были довольно странного свойства. Но прежде всего последовали совету моего деда, доктора Рутерфорда, и послали меня в деревню, чтобы я окреп под влиянием чистого воздуха и свободы; и раньше чем я начал жить сознательно, я принадлежал уже к числу обитателей фермы Санди-Ноэ. Здесь следует упомянуть об одном не совсем приятном обстоятельстве. Матушка, не желая затруднять семью деда уходом за мною, послала для этого в Санди-Ноэ служанку. Но девушка, которой дали это немаловажное поручение, оставила свое сердце в Эдинбурге – по всей вероятности, ее обошел какой-нибудь молодец, наобещавший ей больше, нежели намеревался исполнить. Служанка страстно желала вернуться в город, а так как матушка взяла ее исключительно для ухода за мною на ферме, то она возненавидела меня как причину своего пребывания в деревне. Я полагаю, что у нее развилось болезненное состояние, потому что она раз созналась старой экономке, Алисон Вильсон, что принесла меня на утесы под влиянием сильного искушения перерезать мне там горло ножницами. Алисон тотчас взяла меня к себе и позаботилась о том, чтобы служанка не подвергалась больше подобным искушениям. Ее отослали, и она впоследствии сошла с ума».

Предисловие к шестой песни поэмы «Мармион» содержит прелестную картину чувств ребенка среди обстановки фермы Санди-Ноэ и живописной местности, окружавшей развалины Смальгольмской башни:

«Это была бесплодная и дикая местность, где беспорядочно громоздились голые скалы, но местами между ними виднелась бархатная зеленая мурава, и одинокий ребенок знал, где ютятся цветы и вьется душистая жимолость вдоль трещин разрушенных стен. Я думал, что никогда солнце не освещало таких пленительных уголков. Мне казалось, что эта разрушенная башня – самое великое создание человеческого могущества... Я с изумленным восхищением внимал чудесным рассказам старого пастуха о древних вождях, которые из этой твердыни на борзых конях мчались в хищническом набеге на юг, в синеющие вдали Тевинотские горы и, возвращаясь домой, наполняли покой замка весельем и шумными пирами. Мне казалось, что под разрушенными сводами ворот все еще раздаются звуки военных труб и конский топот, а за ржавыми решетками бойниц чудились суровые лица, испещренные шрамами... И около зимнего очага я также слышал рассказы, то грустные, то веселые...» Эти рассказы восторженный мальчик переживал всем своим существом. Самые теплые строки посвящены воспоминаниям о любимом деде и его друзьях, всегда бывших снисходительными и ласковыми с шаловливым и балованным ребенком. «До настоящего времени (1836), – продолжает в своей автобиографии В. Скотт, – со мной живут в соседстве две старухи, находившиеся в услужении в Санди-Ноэ, когда был привезен туда больной двухлетний ребенок.» Одна из них, Тибби Гентер, хорошо помнит его приезд и то, что он «был милый, добронравный мальчик и любимец всех в доме». «Молодые доильщицы овец с радостью, – рассказывает она, – носили его на спине по скалам; он был очень сметлив и скоро знал каждую овцу и ягненка не хуже, чем скотницы». Но самое большое удовольствие испытывал мальчик в обществе старого пастуха, Санди Ормистона, о котором упоминается в названном выше предисловии к шестой песни поэмы «Мармион». Если ребенок встречал Санди утром, то не отставал от него, пока тот не сажал его на плечо и не уносил с собою; пастух лежа наблюдал за вверенным ему стадом, и ребенок сидел возле него.

Пастух на рожке подавал особенный сигнал служанкам, находившимся на ферме, стоявшей у подножия холмов, когда ребенок выражал желание вернуться домой. Поэт впоследствии говорил своему другу, мистеру Скину, с которым провел летний день среди хорошо памятных ему скал, что ему доставляло наслаждение целый день валяться на траве среди стада и что «этот род товарищества, заключенного им таким образом с овцами и ягнятами, заставил его полюбить их на всю жизнь». Рассказывают, что его однажды забыли на холме, когда вдруг собралась гроза; тут только тетка вспомнила о нем и побежала его отыскивать; она нашла его лежащим на спине, он хлопал в ладоши и при каждом появлении молнии кричал: «Славно, славно!»

«Здесь, в Санди-Ноэ, – говорится далее в автобиографии, – в доме моего деда, мне пришлось испытать первые сознательные впечатления жизни – и я отчетливо помню себя в довольно причудливом виде и положении. В числе средств, к которым прибегали для излечения моей хромоты, кто-то посоветовал, чтобы всякий раз, когда заколют овцу для домашнего употребления, меня, раздетого донага, пеленали в шкуру, еще неостывшую после того, как ее сняли с животного. Хорошо помню, как я в этом татарском одеянии лежал на полу маленькой гостиной фермы, между тем как мой дед, почтенный старик с белыми волосами, употреблял всевозможные средства, чтобы заставить меня ползать. Припоминаю также, как покойный сэр Дж. Макдугал из Макерстоуна помогал ему в его попытках. Он, Бог его знает как, приходился нам сродни, и я до сих пор точно вижу его и его старомодный военный костюм отставного полковника: на нем была маленькая треугольная шляпа, украшенная галунами, вышитый красный жилет и светлый сюртук; седые волосы его были собраны в косу на военный лад; он стоял передо мною на коленях и волочил по ковру часы, стараясь вызвать во мне желание ползти за ними. Добродушный старый воин и ребенок, завернутый в овечью шкуру, вероятно, представляли странное зрелище для постороннего зрителя. Это происходило, по-видимому, в то время, когда мне шел третий год.

Моя бабушка несколько лет продолжала управлять фермой при помощи второго брата моего отца, мистера Томаса Скотта, жившего в Креминге в качестве управляющего этим поместьем, принадлежавшим мистеру Скотту из Данесфилда. Это было в самый разгар войны за американскую независимость, и я помню, что с нетерпением ожидал еженедельного приезда дяди (мы иначе не получали никаких новостей), чтобы услышать о поражении Вашингтона, точно я имел личную и серьезную причину питать к нему недоброжелательство; не знаю почему, но это было для меня как-то связано с горячею симпатиею к фамилии Стюартов, возбужденною во мне первоначально песнями и рассказами якобитов. Мое политическое настроение сильно поддерживалось тем, что в моем присутствии говорили о жестокости казней в Карлайле и горной Шотландии после битвы при Куллодене. Некоторые наши дальние родственники тогда погибли, и я помню, что питал за это к герцогу Кумберландскому недетскую ненависть. Мистер Курл, фермер в Гетбюри, муж одной из моих теток, присутствовал при их казни; вероятно, от него я впервые услышал эти трагические рассказы, произведшие на меня столь сильное впечатление. Местные сведения, которые, вероятно, повлияли на образование моего будущего вкуса и на выбор занятий, я заимствовал из старых песен и рассказов, составлявших развлечение уединенно жившей в деревне семьи».

Вальтеру Скотту было около четырех лет, когда его повезли на воды в Бат, надеясь излечить хромоту. Здоровье его в общем было хорошим, жизнь в деревне сделала свое дело: он отлично бегал, несмотря на свою хромоту, лазал по горам и катался на пони, на которого садился без посторонней помощи; прибавим, что пони был не выше ньюфаундлендской собаки. По дороге в Бат заехали в Лондон, и поэт упоминает, что когда через 25 лет он снова посетил Лондонскую башню и Вестминстерское аббатство, то удивился, насколько точны были его воспоминания о них. «С тех пор я стал гораздо более доверять воспоминаниям своего детства», – прибавляет он. Бат принес мало пользы его здоровью. Здесь он выучился

читать в небольшой школе под руководством одной старой дамы. Иногда ему давала уроки жившая с ним тетка. «Впоследствии, – пишет В. Скотт, – я взял несколько уроков чтения у мистера Стокера из Эдинбурга и у пастора Клива. Но я не приобрел правильного произношения и вообще остался дурным чтецом».

Одно из самых сильных впечатлений, пережитых здесь Вальтером, было первое посещение театра – давали комедию Шекспира «Как вам угодно». Он подробно описывает это в «Очерке жизни актера Кембла».

Из Бата мальчика перевезли сначала в Эдинбург, а затем снова в Санди-Ноэ. Во время пребывания в Эдинбурге шестилетнего Вальтера Скотта видела приятельница его матери, миссис Кокбурн; она описывает его как самого гениального ребенка, какого ей когда-либо приходилось видеть: «Он читал своей матери вслух стихи, когда я вошла. Я просила его продолжать – это было описание кораблекрушения. Его волнение росло вместе с грозой. „Мачта упала! – восклицал он. – Вот ее унесло водою... они все погибнут!..“ Весь взволнованный, он обращается ко мне, говоря: „Это слишком печально, я лучше прочитаю вам что-нибудь повеселее“. По уходе дамы он сказал тетке, что миссис Кокбурн, которая о многом разговаривала с ним, ему очень понравилась, потому что она – такой же „виртуоз“, как он сам. „Милый Вальтер, – отвечала тетка, – что такое „виртуоз“? – „Разве вы не знаете? Это человек, который желает все знать“...»

Скотт в возрасте шести лет. Миниатюра, писанная в 1777 году.

Из Санди-Ноэ, где ребенок пробыл лето, тетка на несколько недель взяла его в Престонпанс, местечко на берегу моря. Надеялись, что морские купанья излечат его хромоту.

Здесь он познакомился со старым отставным военным по имени Дальгетти, который, найдя в ребенке прилежного слушателя, без конца рассказывал ему о германских войнах. Старик и ребенок также часто говорили об американской войне и наконец почти рассорились из-за своих разногласий в политическом отношении. В Престонпансе жил также мистер Джордж Констэбль, старый друг отца Вальтера.

Джордж Констэбль первым познакомил Скотта с типами Шекспира, в частности с Фальстафом и Готспуром. «Не знаю, какого рода представления я тогда составил себе о них, – говорит Вальтер Скотт, – но, вероятно, они вызвали во мне известного рода идеи, потому что я интересовался ими. Вообще я думаю, что дети получают сильные импульсы к умственной деятельности, слыша вещи, которые они не вполне ясно понимают, и поэтому писать, подделываясь под понятия детей, весьма ошибочно – указывайте им только путь, и пусть они сами добиваются остального». Вальтер Скотт всю жизнь помнил едко-юмористические рассказы Джорджа Констэбля о 1745 годе, но это относится уже к более позднему времени.

Переездом из Престонпанса в родительский дом закончился период раннего детства Вальтера Скотта. В его жизни вообще произошла теперь довольно тяжелая перемена. Он был ласков, послушен и необыкновенно мягок с теми, кого любил, но с ним случались и такие вещи. Однажды его родственник Рэберн свернул шею его любимому скворцу, которого ребенку удалось наполовину приручить. «Я вцепился ему в горло не хуже дикой кошки, – говорит поэт в своем дневнике через 50 лет по случаю смерти Рэберна, – так что меня насилу оторвали от него». И судя по тому, что он дальше пишет, видно, что он и в то время не вполне простил своего обидчика. С теми, кого Вальтер Скотт любил и перед кем был виноват, он поступал иначе. «Я редко, – говорит один из его учителей, мистер Митчел, – имел случай за время своего пребывания в семействе обвинить его в чем-либо, даже в пустяках, и только раз пригрозил ему строгим наказанием; но он тотчас же вскочил, бросился мне на шею и начал целовать меня». Добрый старый джентльмен прибавляет к этому рассказу следующий комментарий: «Таким великодушным и благородным поведением мое недовольство моментально было превращено в уважение и восхищение; моя душа наполнилась нежностью, и я готов был смешать мои слезы с его слезами». Не следует думать, однако, что ребенок не имел характера. Когда он перешел в семью, где было много детей и где его не баловали, как у деда, он сумел найтись в новых условиях. Но тем не менее ему жилось тяжело среди капризных и своевольных братьев, которые часто обижали его. Большой поддержкой была для него нежная любовь матери. Семья отличалась большой религиозностью, пресвитерианское воскресенье праздновали в ней с необычайной строгостью; в этот день читались только духовные книги и выслушивались длинные и сухие проповеди. Умного, живого мальчика это страшно утомляло. В течение недели время посвящалось более приятным занятиям.

Мать его, будучи образованной женщиной, любила литературу, и они вместе много читали.

В 1778 году Вальтер Скотт поступил в Эдинбургскую высшую школу. Он был не особенно хорошо подготовлен и не отличался усидчивостью. Мальчики занимали там места на скамьях сообразно своим успехам. Что касается Вальтера Скотта, то он сам говорит о себе: «Я перелетал, как метеор, с одного конца класса на другой и приводил в негодование доброго учителя легкомыслием и небрежностью, хотя временами заслуживал его одобрение проблесками ума и таланта». Товарищи любили его – он всегда им помогал, в скучные зимние дни неутомимо рассказывал разные истории и вообще играл более важную роль вне класса, чем во время урока. Дома у Вальтера Скотта и его братьев был учитель, уже упомянутый мистер Митчел. С ним Вальтер вступал в бесконечные политические споры по поводу исторических лиц; он терпеть не мог пресвитерианцев и восхищался Монтрозом и его победоносными шотландскими горцами, а мистер Митчел уважал пресвитерианского Улисса, – мрачного и

хитрого Аргайля. Вальтер тогда уже был тори и остался им на всю жизнь. Через три года по поступлении в школу мальчик перешел под руководство нового учителя – ректора мистера Адама. От этого почтенного человека он впервые научился ценить знания, между тем как до сих пор относился к приобретению их как к чему-то тяжелому и неприятному. Он два года изучал латинских авторов, был очень польщен, когда ректор одобрил его успехи, и сам начал пробовать переводить стихами Горация и Вергилия, хотя никогда впоследствии не был выдающимся латинистом. Мальчик видел, что от него ожидают всего хорошего, и считал, что должен оправдать мнение любимого и уважаемого преподавателя. По словам товарища Вальтера Скотта, Ирвинга, доктор Адам постоянно ссылался на Вальтера, когда нужно было привести какой-нибудь год или историческое событие, упоминаемое в читаемых учениками классиках, и называл его историком своего класса. Вальтер Скотт с любовью вспоминает о докторе Адаме в своей автобиографии. «Добрый старик чрезвычайно гордился успехами своих учеников в жизни и постоянно (большею частью совершенно справедливо) указывал на них как на свое создание или, по крайней мере, как на плоды своего преподавания. Он помнил судьбу каждого мальчика, бывшего в школе в течение его пятидесятилетнего управления ею, и всегда приписывал их успехи или неудачи в жизни их вниманию или небрежности к школьным занятиям. Его „шумное жилище“, которое для другого походило бы на дом умалишенных, было его гордостью; когда он утомлялся от шума и беготни, от необходимости просматривать задачи, выслушивать уроки и в то же время поддерживать известный порядок в классе, то утешался, сравнивая себя с Цезарем, который мог диктовать сразу трем секретарям...

Как жаль, что такой ученый человек, вполне приспособленный к занимаемому месту, такой полезный и простосердечный человек, умевший довольствоваться столь малым, должен был подвергнуться тяжелым неприятностям. Но эдинбургские власти, не зная, каким сокровищем они обладают в лице доктора Адама, допустили необузданного малого, одного из младших учителей по имени Николь, нанести оскорбление почтенному ректору... Николь был хороший классик и полный юмора собутыльник (что заслужило ему дружбу Бёрнса), но в то же время – беспутный пьяница, бесчеловечно жестокий с учениками. Вражда к ректору довела его почти до убийства: он подстерег почтенного старика в темноте и избил его. Покровительство, оказанное городским советом этому недостойному сопернику, привело к дальнейшим последствиям, которые на время омрачили счастье и добрую славу бедного Адама. Когда началась французская революция, и в Англии партии стали горячо спорить за или против нее, доктор Адам неосторожно присоединился к сторонникам революции. Это было весьма естественно, так как все понятия Адама о существующих правительствах основывались на его знакомстве с деятельностью эдинбургского городского совета, а его едва ли можно было сравнивать со свободными государствами Рима и Греции, откуда Адам черпал свои взгляды относительно республик. Недостаток осторожности в разговорах по поводу современных политических событий лишил старика уважения учеников, большинство которых в своих семьях привыкли слышать совершенно другого рода мнения. Все это (происходившее уже гораздо позднее моего выхода из школы) прошло так же, как утихли и другие волнения того времени, и доктор Адам продолжал свои педагогические труды до прошлого года, когда его разбил паралич во время преподавания в классе. Он прожил еще несколько дней; в бреду перед смертью он представлял себе, что находится в классе, разговаривал с учениками и наконец сказал: „Но темнеет... мальчики могут идти!“, после чего умер».

Здоровье Вальтера Скотта опять ухудшилось, и отец позволил ему провести полгода в Кельзо у доброй его тетки мисс Джанетты Скотт. Здесь он совершенно свободно располагал своим временем, за исключением четырех часов в день, которые проводил в школе, продолжая занятия латынью с учителем мистером Ланселотом Велем. Учитель, которому надоели вокабулы и Корнелий Непот, охотно читал с Вальтером Тацита и не жалел для способного

ученика ни трудов, ни времени. Что касается Вальтера, то он, со своей стороны, помогал учителю, спрашивал уроки в младших классах и на публичном экзамене произнес речь Галгака, произведшую тем большее впечатление, что мало кто из слушателей мог понять хоть слово из нее.

«Между тем, – рассказывает дальше Вальтер Скотт в своей автобиографии, – мое знакомство с английской литературой постепенно расширялось. В часы, свободные от школьных занятий, я и прежде жадно читал попадавшиеся мне в руки книги по истории, поэзии, путешествиям, не забывая обычную, или, лучше сказать, в десять раз большую долю сказок, восточных легенд, романов и так далее...

Это чтение было совершенно неправильное, никто в нем не руководил мною.

Мой репетитор считал почти грехом открыть какую-нибудь светскую книгу, драму или поэму, а моя мать, помимо того, что учитель мог и ее убедить в греховности подобного занятия, не имела времени слушать по-старому мое чтение вслух. Я, однако, нашел в ее уборной (где одно время спал) несколько разрозненных томов Шекспира и не могу забыть восторга, который испытывал, читая их у топящегося камина; я сидел около него полуодетый, пока снизу не раздавался шум отодвигаемых стульев, возвещавший, что встают из-за ужина и дававший мне знать, что пора ложиться в постель, в которой я должен был мирно почивать уже с 9 часов. Случай, однако, свел меня с наставником, обладавшим поэтическим чувством. Это был не кто иной, как почтенный и добрейший доктор Блэклок, хорошо известный в то время литератор. Не знаю, как я привлек его внимание и расположение нескольких молодых людей, живших у него, но случилось так, что меня часто и охотно принимали в его доме. Добрый старик разрешил мне доступ в свою библиотеку, по его совету я прочел Оссиана и Спенсера. Оба привели меня в восторг, в особенности последний. Постоянные повторения и вычурно фантастическая фразеология Оссиана надоели мне раньше, чем это можно было ожидать в моем возрасте. Но Спенсера я мог читать без конца. Я был слишком молод, чтобы вникать в аллегорический смысл его созданий; я принимал рыцарей, дам, пигмеев и великанов в их внешнем, общем смысле и бог знает как восхищался, находясь в их обществе. Я всегда обладал способностью запоминать всякие нравившиеся мне стихи и потому очень многое знал наизусть из Спенсера. Впрочем, память моя была чрезвычайно капризна в течение всей моей жизни, и я мог бы повторить слова старого Битти из Микльделя, сказанные почтенному пастору, хвалившему его способность к запоминанию. „Нет, сэр, – заметил старый порубежник, – я не могу повелевать своей памяти. В ней остается только то, что ей нравится, и, по всей вероятности, сэр, если бы вы даже два часа сряду читали мне проповеди, я был бы не в состоянии запомнить ни одного слова из них“. Моя память была точь-в-точь такого же рода: редко случалось, чтобы в ней не сохранились любимые мною поэтические отрывки, театральные куплеты, а главное – порубежные баллады. Но исторические имена, хронология и другие технические подробности истории забывались мною самым грустным образом. Философия, история также не существовали для меня в этот период моей жизни; но постепенно в моей голове накапливалось много интересных и художественных исторических фактов, так что когда в более зрелом возрасте я начал делать обобщения, то обладал значительным материалом для пояснения моих выводов. Я вышел из школы с большим запасом общих сведений, конечно, беспорядочных и собранных без всякой системы, но твердо запечатлевшихся в моем уме и приведенных в известную художественную связь памятью и живым воображением. Если моим занятиям недоставало руководства и системы в Эдинбурге, то понятно, что в деревне я был уже совершенно предоставлен только самому себе. Почтенная старинная библиотека для чтения и небольшое количество книг у некоторых частных лиц были к моим услугам, и я принялся за чтение, как слепец ищет дороги – на ощупь. Мой аппетит к книгам был велик, неразборчив и неутомим; впоследствии я слишком часто имел причины раскаиваться, что читал так много и с такой незначитель-

ной пользой. В числе ценных духовных приобретений моих в то время было знакомство с „Освобожденным Иерусалимом“ Тасса по неудовлетворительному переводу Гуля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.